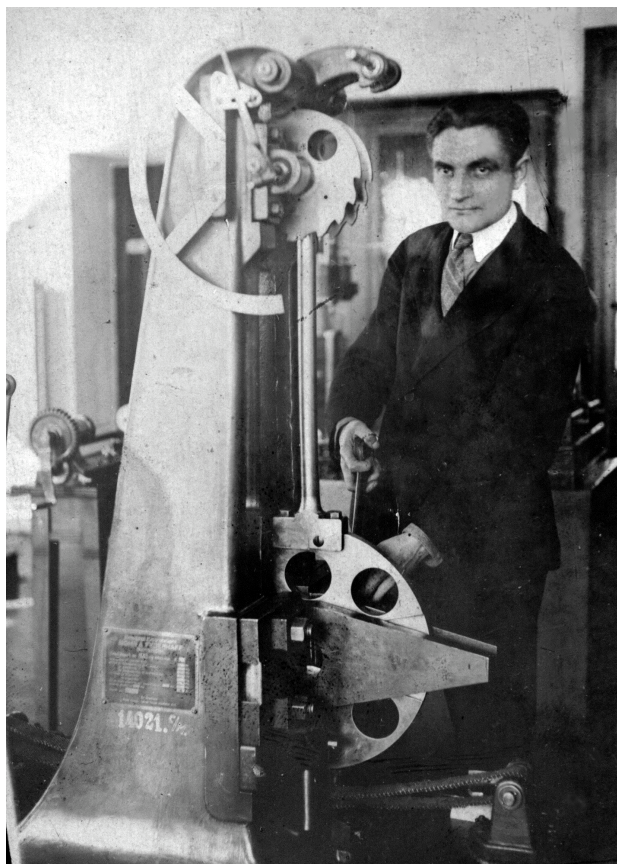

Жили впроголодь. Утром вся семья сидит за столом в ожидании завтрака. Перед каждым деревянная ложка и кусок хлеба. Мать ставит на стол большую деревянную чашку дымящейся похлебки.

*Николай Алексеевич Визжилин –
преподаватель сопромата
Московского текстильного института.
1930-е годы*

Это картофельный суп, заправленный двумя ложками пшена или ложкой муки, сдобренный двумя ложками душистого подсолнечного масла. Мы все взапуски начинаем хлебать из общей чашки. Чашка быстро пустеет. Завтрак окончен. Через час-полтора после такого завтрака мы уже начинаем клянчить у матери: "Дай кусочек!" (хлеба). За обедом та же похлебка или щи из кислой капусты без мяса, заправленные постным маслом. На второе пшенная каша, иногда с тыквой. Иногда вместо каши подается на стол жаровня с картошкой, приготовленной на подсолнечном масле в русской печи. На ужин изредка была бадейка молока, которая стоила 10 копеек (1–1,5 литра). В нее крошили ситный хлеб и все начинали хлебать из этой общей миски.

В праздничные дни варилась молочная каша или лапшевник на молоке. В дни получения зарплаты варились щи с мясом или солониной. Мясо вынималось из чугуна и мелко крошилось на тарелке, все брали его руками – вилок в доме не было.

За болтовню и баловство за столом отец бил нас деревянной ложкой по лбу...

Учиться в школу я пошел осенью 1911 года, когда мне еще не исполнилось 8 лет. В школе была всего одна комната и две учительницы.

Одна постоянно жила в школьном здании, ежегодно приезжала новая учительница, которая вела занятия в первом классе. В классе было 25–29 человек, большинство – мальчики.

К учительнице, живущей в селе, относились все с большим уважением, и она отдавала все, чтобы дать детям максимум знаний за три года пребывания в школе.

Запомнился первый день моего пребывания в школе. Учительница начала с опроса учеников – фамилия, имя, сколько лет, а потом спрашивала: "Ты грамотный?" Ребята отвечали, что грамотные. "А читать и писать умеешь?" Следовал ответ: "Нет, не умею", "Какой же ты грамотный". Наконец очередь дошла до меня. Я уже догадался, как надо отвечать и сказал, что я неграмотный. Учительница похвалила меня за этот ответ, чем я очень гордился, рассказывая дома о первом дне занятий в школе...

В наш класс пришла молоденькая, 18–19-летняя учительница, Вера Артемьевна Архипова, которая обратила на меня внимание и каждый день оставляла меня "без обеда". Это считалось наказанием, которое заключалось в том, что после занятий наказанные сидели в школе за дополнительными занятиями еще час-полтора, а потом убирали класс.

Обычно после дополнительных занятий учительница брала меня с собой на квартиру, где кормила меня обедом, а затем занималась со мной. Благодаря этим "наказаниям" я быстро научился читать, и был, пожалуй, лучшим учеником в классе. "Хромало" у меня чистописание.

Я пристрастился к чтению и прочитал все книги из школьной библиотеки. Это были сборник произведений А.С.

Пушкина, несколько рассказов Л. Толстого, рассказы Мамина-Сибиряка и др. Мне очень нравились стихи М. Лермонтова, поэму "Демон" я знал почти всю наизусть. Были в библиотеке также две книги, которые вместе со мной читал мой отец. Это "Юрий Милославский" и "Князь Серебряный".

Что дала мне школа? В школе я научился читать и писать, выучил таблицу умножения и знал четыре действия арифметики.

Кроме того, школа старалась воспитать нас соответствующим образом. Нам всячески внушали, что русский человек – это патриот, а его патриотизм в том, что он готов умереть "за веру, царя и Отечество". Каждый первый урок утром мы начинали с пения гимна "Боже, царя храни", а заканчивали уроки пением молитвы "Царю небесный". Но все эти прививавшиеся нам в школе понятия развеялись, как дым, когда я попал в фабричную казарму.

Школа была закончена в 1913 году, и я направился работать на хлопкопрядильную фабрику "Саратовская мануфактура", которая находилась ниже по течению Волги в двух километрах от села. При фабрике – поселок, где жили рабочие и служащие, на расстоянии 250–300 м от здания фабрики – две длинные кирпичные двухэтажные казармы, между ними фабричная лавка. Кроме казарм в поселке были сотни полторы одноэтажных домиков, принадлежавших хозяевам фабрики, где также жили рабочие, была и фабричная больница на 10–12 коек.

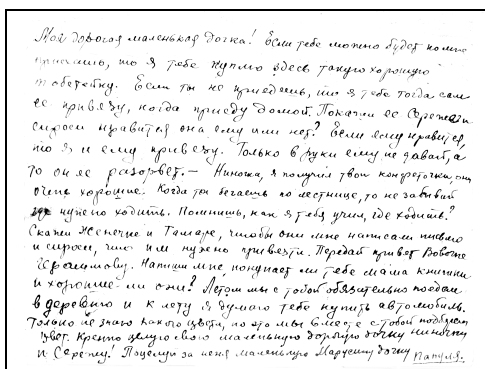
Среди живущих в казарме взрослых и детей не было и тени уважения к царю, церкви, попам.

Фабрика работала в две смены. Первая начинала работу с четырех часов утра и работала до 9 утра. Вторая – с 9 до 14 часов, с 14 до 18 снова работала первая смена, а с 18 до 22 – снова вторая. Таким образом, с 4 утра до 22 часов работа не прекращалась ни на минуту, то есть каждая смена работала по 9 часов. Восьмичасовой рабочий день был установлен после Октябрьской революции.

Утром в 3.30 раздавался первый фабричный гудок. Гудок был басовый, низкого тона и был слышан в течение 4–5 минут не только в фабричном поселке, но и в ближайших деревнях, расположенных в 1,5–2 км от фабрики. В 3.50 раздавались два коротких гудка, в это время рабочие толпой

входили в фабричный двор. За 5 минут до начала работы, в 3.55, двери фабрики закрывались. Рабочие, пришедшие после этого, записывались и штрафовались, как опоздавшие.

Около 25–30% рабочих составляли приходящие из деревень, расположенных недалеко от фабрики, крестьянские парни и девушки, которые работали только зимой, а на лето уходили обратно в деревни работать по найму. Между рабо-

*Письмо папы ко мне
накануне войны*

*Рисунок, который прислал мне папа
из Таджикистана*

чими и служащими проводилась резкая грань. Служащие учитывались по отдельному табелю, дома для них были более благоустроенные, даже баня для служащих была отдельная.

На фабрике я провел свои лучшие годы. Там вступил в комсомол, там же был принят в кандидаты партии. Именно тогда, в 1922–23 гг., мы, фабричная молодежь, почувствовали плоды революции.

Окончилась гражданская война, окончился свирепствовавший в Поволжье страшный голод. Мы сыты, стали впервые считать себя полноценными людьми, с нами считаются, мы беремся за учебу. Комсомольская организация на фабрике выросла до ста человек, издает стенную газету, устраивает массовые вечера, походы, экскурсии и т.д.

О своей работе на фабрике в этот период я всегда вспоминаю с большим удовольствием. И что за беда, если я не имел тогда ничего, кроме одних штанов, пары рубашек и френча, сшитого из старой солдатской шинели брата, покрашенной в синий цвет!

...Лето 1923 года. Выходной день. Яркий солнечный день. У пристани под парами пароход "Саратовская мануфактура",

плещут на солнце яркие косынки, цветные кофты девчат. Мы едем в село Синенькое. Красивое село, живописно раскинувшееся на правом гористом берегу Волги. Мы причаливаем под звуки духового оркестра, который лихо играет "Белебейский марш" (по-видимому, название идет от города Белебея. – Н.О.) – кроме этого марша оркестр вряд ли тогда умел играть что-нибудь еще. Вся деревня на берегу.

Мой отец со своим сыном Сергеем

Мой отец со своим сыном Колей

Организуется митинг. На крыше парохода – Петя Кропотов, это наш "солидный" оратор. Он произносит речь. Вряд ли мы понимаем, о чем он говорит. Да и слушать не очень хочется. Жизнь так хороша! Солнце светит так весело! Каждый чувствует себя счастливым и свободным. Оратор награждается дружными хлопками.

Мы идем в клуб. Там начинается суета. Мы ставим пьесу. Как она называется? Не все ли равно. Важно, что все участники играют с воодушевлением. Потом концерт. <...> Поздно вечером усталые, но счастливые и довольные, мы возвращаемся домой».

Мне хочется, чтобы папины записки о том, как ему и его сверстникам – крестьянским детям жилось в детстве, об особенностях учебы в школе и о работе на фабрике до революции, прочитали мой сын, внуки и Таня. Из этих записей, мне кажется, станет ясно, почему была революция, что она дала беднякам-крестьянам. Полные записки эти хранятся у брата Коли.

В 1930–1931 годах в составе группы «парттысячников» отец был направлен на ткацкую фабрику в Ростов Великий, где и познакомился с мамой. Еще в юности он решил, что

должен жениться на девушке из небогатой семьи, и его выбор был вполне осознан, да и как было не полюбить симпатичную, живую, веселую девушку! Они прожили вместе 45 лет до смерти папы, жили дружно, в любви и согласии. Мама очень уважала отца, оберегала его от ненужных домашних забот и неприятностей. По воскресеньям, когда отец отдыхал, мама запрещала нам шуметь.

Среди друзей отец особенно был близок с Максимом Петровичем Горбачевым, преподавателем Московского текстильного института. Они часто и подолгу беседовали, встречаясь друг с другом, знаю, что много говорили о литературе, о «текущем моменте», но темы их разговоров мне были недоступны – мала была... После войны Максим Петрович первым из папиных друзей ушел из жизни, отец очень горевал.

Друзей было не так уж много, но они были близкими надежными людьми. Это Михаил Федорович Герасимов, до войны служивший в советском посольстве в США, Александр Андреевич Вавилов, с которым папа работал в Таджикистане, Александр Васильевич Прошин, заместитель министра текстильной промышленности СССР, Гурий Осипович Арефьев, ректор Костромского и Ленинградского текстильного институтов, Иван Павлович Семин, долгое время работавший в ЦК КПСС и разных издательствах, Петр Павлович Кузнецов, сотрудник министерства железнодорожного транспорта, и его жена Калиса Васильевна, которая вместе с папой работала в ЦК КПСС, Петр Федорович Струнников, заведующий отделом ЦК, позднее – Юрий Александрович Орлов (мой свекор, о нем речь впереди) и Александр Иванович Голяков (генерал-лейтенант, тесть Коли). С ними отец обсуждал разные темы, с некоторыми отдыхал во время отпуска, играл в преферанс и в шахматы. Особенно часто «сражался» в шахматы с П.П. Кузнецовым и И.П. Семиным и искренне радовался, когда выигрывал. В преферанс играли семьями, парами – муж и жена, причем иногда родители мои бранились, если кому-то из них казалось, что партнер сыграл неправильно.

В компании друзей папа вместе с мамой пел, аккомпанируя себе на гитаре. Часто все вместе пели «Окрасился месяц багрянцем», «Когда я на почте служил ямщиком»,

*Николай Алексеевич Визжилин
открывает вечер,
посвященный советско-французской дружбе.
Особняк ВОКСа. 1957 год*

«Степь да степь кругом» и другие народные песни. Позже, когда я уже училась в старших классах, папа пел редко, но любил слушать, как мы с Иришей, моей любимой школьной подругой, пели на два голоса – Ириша первым, я, играя по слуху на пианино, – вторым. На этих вечеринках никогда не видела отца пьяным и никогда не слышала, чтобы он сквернословил. От вина он становился более открытым и веселым, шутил, пел и читал стихи.

После войны по воскресеньям вместе с папиными сослуживцами мы часто ездили на автобусе в дом отдыха в Мамонтовку, всю дорогу пели военные и другие песни, папа просил меня запевать, что я и делала с удовольствием. Вообще в нашей семье все были довольно музыкальны: папа, позже братья Сергей и Коля играли на гитарах, и даже выступали со сцены. Со школьных времен и до сего дня я не только пела в хоре и дуэтах, но даже руководила мужским ансамблем и разными хорами.

Теперь не могу восстановить в памяти время, когда отец начал работать инструктором в ЦК – нет никого в живых, кто мог бы об этом сказать. Думаю, что это было где-то в конце 1930-х годов. В 1937 году его направили заместителем наркома просвещения в Таджикистан, где он проработал около двух лет. В это время родился Сергей, и приехавшего из Сталинобада папу некоторое время звал «дядей». О том, как отец вернулся, я уже писала.

На работу в ЦК он уходил рано утром, возвращался далеко после полуночи – таков был стиль работы партийных работников при Сталине. Очевидно, это отнимало много физических и душевных сил, поэтому в редкие дни отдыха папа подолгу лежал, читая, или спал, так что отца мы видели редко.

Изредка к нам приезжал дядя Витя, которого перед войной произвели в генерал-майоры, и они с папой подолгу обсуждали положение в стране и мире, говорили о неизбежности войны с Германией, недоумевали по поводу Пакта, заключенного с Гитлером. Эти разговоры я слышала, хоть почти ничего в них и не понимала. Незадолго до начала войны отец заболел – открылась язва желудка. Помню, как мама каждый день готовила «протирушку» из овсянки и давала ее отцу на работу. Почти в это же время у папы началась

глаукома, которая привела к почти полной слепоте одного глаза. В связи с этим отца на фронт не взяли. Он был записан в команду химзащиты, дежурил на чердаках во время бомбежек, разгружал дрова, ежедневно занимался Всевобучем.

Отец переживал, трудился денно и нощно, лишь на несколько месяцев уезжал в Барнаул, где работал в райкоме партии, а потом до конца войны находился в Москве, однажды сопровождал на фронт монгольскую делегацию. Могу сказать, что в войну практически мы папу не видели. Но сохранились его очень трогательные письма, которые он писал мне в Кострому, так же как раньше из Таджикистана. Рисовать папа не умел, а потому наклеивал в письма разные картинки. Из Таджикистана папа прислал мне 15 писем, а в войну в Барнаул – 9, в Кострому – 14.

Какие это были письма!

В них столько любви, нежности, заботы о моем здоровье, хороших добрых пожеланий и советов, радости по поводу моих даже самых маленьких успехов. И в конце обычно – «поцелуй за меня Сереженьку и мамочку, слушайся ее», а также передавал всем приветы.

А в войну кроме этого писал, чтобы не скучала, что всё скоро кончится, и мы опять будем вместе. Письма храню и иногда перечитываю.

Некоторые из них теперь почти совсем выцвели от времени.

Вот одно из писем из Таджикистана.

«Моя маленькая милая девочка! Шлю тебе большой и горячий привет!

Получил твое письмо и твои рисуночки и очень им обрадовался. Ты пишешь очень хорошо и хорошо рисуешь. Я тебе посылаю еще одну картиночку. Напиши, нравится ли она тебе. Скажи Жене, что я ему купил хорошую пушку. Она стреляет очень хорошо, но если он будет тебя обижать, бить и кусать, то я ему пушку не привезу. Передай привет Томусе и Вове. Поцелуй за меня Сережу. Я целую тебя крепко, крепко! Пиши мне ответ, но много не пиши. Если у тебя ручонка устанет, то бросай писать. Больше гуляй на улице, но не бегай и не утомляйся.

Жду от тебя письма. Твой папуля. 1937 г.» (Мне пять лет)

Письмо в Барнаул, 19 мая 1942 г.

«Здравствуй, моя дорогая дочка!

Вчера получил от тебя письмо, которое ты написала после болезни. Очень рад, что ты стала помощником командира тимуровской команды. А кто же у вас командир? Вы и Сережу примите в свою команду. Ты все пишешь, что скучаешь. Ну, немного потерпи! Сейчас еще нельзя ко мне приехать, а вот в конце лета видно будет. У нас тоже стало тепло, и мы ходим без пальто. Наконец растаял лед и у нас на Якиманке. Мне сказал дядя Шура, что вы с Женей сдавали экзамены и получили хорошие оценки, а ты одну отличную. Я очень рад твоим успехам и поздравляю тебя. Как прошел у тебя день рожденья? Наверное, хорошо. Мне не нравится, что Сереженька говорит нехорошие слова. Скажи ему, чтобы он этого не делал. Горячо целую тебя, мамочку и Сереженьку. Всем привет. До свидания. Твой папа». (Мне 10 лет).

Десятилетняя работа папы в ЦК закончилась плохо – ему объявили выговор и уволили. Вот как об этом рассказывали близкие. В загранкомандировку оформляли какого-то человека, этим делом занимался непосредственный папин начальник и друг, Петр Федорович Струнников, заведующий отделом. Оформление подобного рода дел тогда было очень строгое и дотошное, особенно проверяли, нет ли родственников за границей. И, когда оформление было почти закончено, Петра Федоровича увезли в больницу с обострением язвенной болезни. Вследствие этого заканчивать оформление командировки пришлось папе. Он не стал проверять, то, что уже сделал П. Ф., т.к. безусловно, ему доверял, и подписал выездные документы.

Тут вдруг выяснилось (наверное, по каналам КГБ), что у мужика где-то за границей есть родственники. Отцу и в голову не пришло объяснить, что дело оформлял не он. И грянул гром – выговор и отстранение от должности заместителя заведующего отделом. Другие, скорее всего, более обстоятельные причины папиного увольнения мне, конечно, неизвестны...

После увольнения из ЦК в 1948 году отец некоторое время был без работы, лежал на диване, повернувшись к стене, молчал и даже читал редко.

Только много позже, после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии, я узнала о том, что происходило в стране в эпоху Сталина, и поняла, что отец ждал ареста. Поэтому и не сразу открывала мама дверь, спрашивала, кто стучит.

*Глубокоуважаемому
Николаю Алексеевичу*

Г. Н. КУКИН, А. Н. СОЛОВЬЕВ, В. И. БУДНИКОВ,
А. И. ДМИТРИЕВА, А. А. СТРЕПИХЕЕВ, Т. А. МОДЕСТОВА,
А. Д. ПЛАТОВА

*в знак искреннего уважения
и симпатии на добрую
память*

УЧЕНИЕ О ВОЛОКНИСТЫХ
по поручению коллегий
МАТЕРИАЛАХ
авторов

10. Х. 1949

Г. Кукин
ТЕКСТИЛЬНЫЕ ВОЛОКНА

Под редакцией Г. Н. Кукина

Д о п у щ е н о
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебника
для текстильных вузов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Москва — 1949 — Ленинград

*Автограф профессора Г.Н. Кукина,
заведующего кафедрой
технологии волокнистых материалов
Московского текстильного института*

После вынужденного «отпуска», отца назначили директором Московского текстильного института, в котором он проработал несколько лет. А потом по решению ЦК КПСС был направлен на работу заместителем председателя правле-

ния Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС).

В этот период отец ездил за границу в составе и во главе правительственных делегаций, был в Австрии, Болгарии, Венгрии, Китае, Чехословакии. Возвращаясь из поездок, рассказывал нам о странах, о людях, встречах, обычаях, отношении к СССР, показывал фотографии.

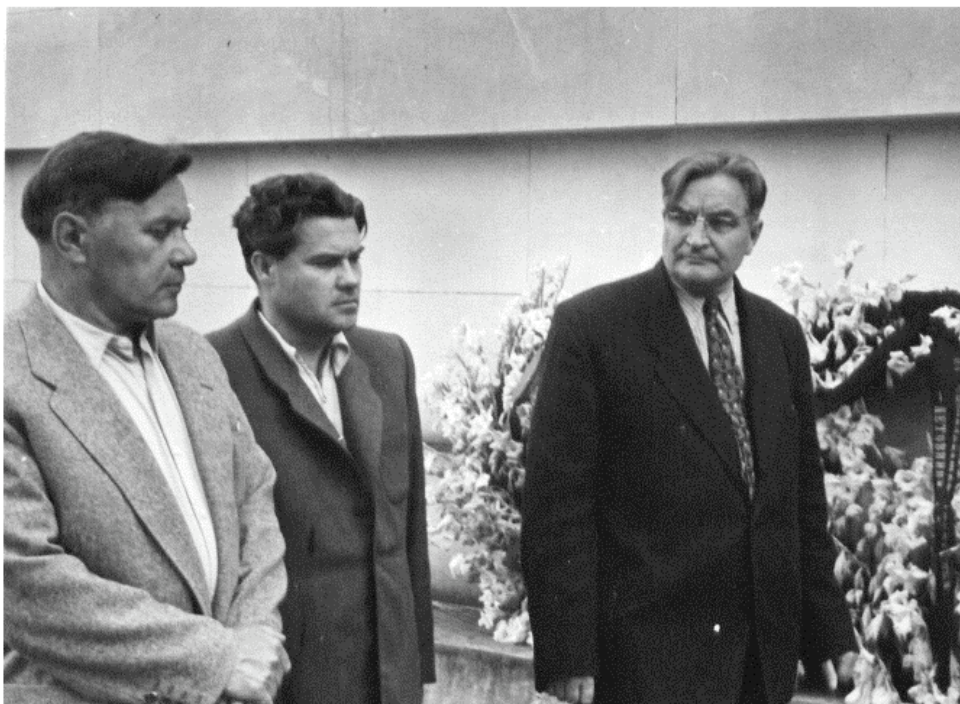
Одно время, в молодости, отец был увлечен фотографированием, занимался этим с удовольствием, у нас хранится много его снимков.

Всякий раз, приезжая из-за границы, отец привозил нам и друзьям какие-нибудь подарки. Помню, из Китая он привез шкатулки и маленькие гобелены, отрез черного шелка с золотыми розами, из которого мама сшила себе праздничное платье, перешитое потом мне, оно до сих пор висит в моем шкафу, из Болгарии – красную дубленую куртку, разные мелкие сувениры и пр. Тогда было принято дарить главам и членам делегаций щедрые подарки от разных организаций и правительств. Лишь после смерти отца, когда мы с Колей поехали в ВОКС за какими-то документами, узнали, что подарков было много и довольно дорогих. Узнали, потому что нам предложили их забрать, но папа сдавал их в фонд ВОКСа, он считал невозможным брать их себе. Не взяли их, конечно, и мы.

Вообще скромность, совестливость и честность всегда отличали отца – он никогда не позволял себе как-то возвышаться над людьми, никогда не ронял достоинства, ненавидел ложь и подхалимаж, за что его уважали не только друзья, но и все, с кем работал.

По статусу в ВОКСе отцу полагалась персональная машина, которой он пользовался только по назначению – по работе, запретив маме использовать ее для домашних нужд. Исключение делалось по праздникам, когда мама ездила куда-то в центр за праздничным пайком, в котором были, насколько помню, бутылка вина, колбаса, сыр, какие-нибудь консервы и конфеты. Да еще, когда мне пришло время рожать, меня отвезли в роддом на ул. Веснина на машине и забирали из роддома на ней же. Надо сказать, что с шоферами, которые водили эту машину: Дмитрием Ивановичем и Павлом Кирилловичем у родителей установились дружеские

отношения, особенно сердечные, конечно, с мамой, которая любила угостить их чем-нибудь вкусненьким, попотчевать чайком и т.п. Мама иногда по секрету от отца договаривалась с ними (чаще с Дмитрием Ивановичем) и ездила по своим делам. Но когда об этом узнавал папа, он негодовал. При этом никогда не повышал голоса ни на нас, ни, тем более, на маму.

*Советская делегация в Болгарии возлагает цветы
к памятникам героям Плевны.*

*Слева направо:
народный артист СССР Б.П. Чирков,
писатель П.Н. Воронько
и Н.А. Визжилин (глава делегации)*

Он произносил несколько мало приятных фраз и долго не разговаривал с тем, кто, по его мнению, поступил неправильно.

Скромн и непритязателен был папа в отношении одежды, но любил чистые рубашки и отглаженные брюки. Вплоть до выхода на пенсию у него было всего два или три костюма, в одном из которых – черном, парадном – мы его и хоронили...

Незадолго до пенсии отцу предложили взять дачный участок под Москвой, но он отказался, считая неприличным иметь собственность, когда большинство людей в СССР ее не имело.

На лето родители снимали комнату с террасой в подмосковной деревне Улиткино. Кстати, у большинства его друзей уже были дачи. А я до сих пор жалею, что отец отказался от дачи, так как уверена, что она продлила бы жизнь родителей. Вместо своей дачи родители ездили в гости на дачи друзей – на несколько дней или недель к Кузнецовым под Москву в Радищево и к Арефьевым под Ленинград в Комарово.

Папа был человеком сдержанным, редко проявлял свои чувства и переживания, хотя помню, что когда я была маленькая, укладывая меня спать, папа садился у моей постели, гладил меня по голове и говорил что-то ласковое.

Папа любил нас сильно и нежно, только сдержанность не позволяла ему открыто проявлять это чувство. Но в его письмах ко мне из Таджикистана, а также в войну из Москвы в Барнаул и Кострому и в военных записках я нашла много нежных слов о нас с Сережей.

*Автограф
писателя Мартина Викромасинга –
секретаря ЦК компартии Цейлона*

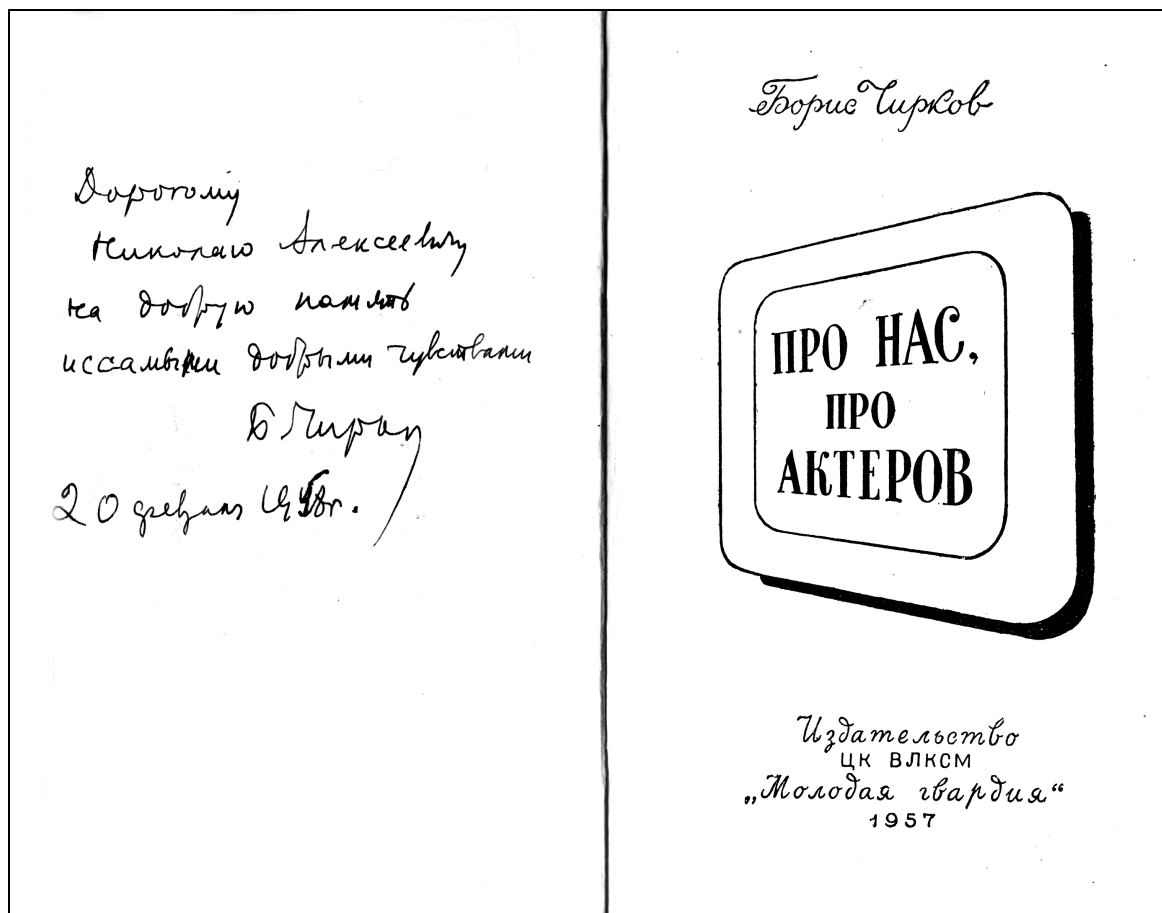
To
Nikolai Vezilin
with best wishes from
Martin Wickramasinghe
16. 5. 1959

The Buddhist
JATAKA STORIES
and
THE RUSSIAN NOVEL

by
MARTIN WICKRAMASINGHE

THE ASSOCIATED NEWSPAPERS OF CEYLON LTD
LAKE HOUSE
COLOMBO

*Автограф народного артиста СССР
Бориса Петровича Чиркова*

Письмо в Барнаул.

«19.04.42. Здравствуй, моя маленькая дочка! Шлю тебе горячий привет. Ты все скучаешь? Так уж нам с тобой не везет. То ты уехала в санаторий на три месяца, а я в – Таджикистан на год, потом ты опять в Иваново, а теперь мы с тобой опять разошлись. Но скоро уже это кончится, и заживем мы как следует вместе. Следи за Сережей, чтобы он не бегал, куда не надо, и не брал руки в рот, а то опять наглотается каких-нибудь вредных палочек и ему будет очень плохо...

По Москве-реке идет лед. Видела ли ты ледоход на реке Обь? Обязательно сходите посмотреть, это очень интересно.

Поздравляю вас с праздником 1 мая, желаю вам весело провести этот день. Горячо целую тебя, моя крошка. Папа».

Из письма в Кострому.

«21.08.42. Здравствуй, моя маленькая дочка! Шлю тебе горячий привет! Привет Сереженьке. Не забыл ли он меня, мой маленький мальчик?

Хорошенько поправляйся за лето, не скучай, во время ложись спать, слушайся маму и не огорчай ее. Береги Сереженьку, следи за ним, не обижай его и смотри, чтобы он не набрал нехороших слов...»

Письмо в Кострому.

«6.11.42. Здравствуй, моя голубоглазая дочка! Горячо целую тебя! Получил твое письмо. Очень жалею, что ты болеешь, моя маленькая. Но думаю, что ты поправляешься и уже опять пойдешь в школу.

Ты стала так хорошо писать, прямо замечательно, вот я, когда учился, то у меня по письму всегда были “посы” и “неуды”. Писать я до 20 лет не мог научиться хорошо. Из школы приходил весь в чернилах, умудрялся испачкать и нос, и волосы, а руки почти по локоть. Но вот научился писать – ничего теперь пишу.

Когда у тебя болит голова, то ты в школу не ходи. Это ведь не так страшно, если ты пропустишь несколько уроков.

Я очень рад, что ты написала хорошее письмо бойцу. Вот когда пишешь бойцу на фронт, нужно постараться писать очень хорошо. А когда пишешь мне, то не трать на это много времени, лучше отдыхай. Мне ведь о тебе мама много пишет. Желаю тебе успеха во всем. Горячо целую. Привет Сереже и мамочке. Привет Тамаре и Иринке. Будь здорова, не скучай. Целую тебя крепко. Папа».

А вот из военных записок:

«...Милый мальчик! (Это обращение к брату Сергею. – *Н.О.*) Хотел бы я вложить в эти строки тебе всю мою любовь к тебе, мой дорогой крошка. Когда ты вернешься домой, это будет для меня твое второе рождение.

Нина очень смышленная девочка. Она очень деликатная. До бесконечности привязана ко мне. В глазах у нее была такая мольба, когда она в Иванове говорила мне: “Папа, не уезжай!” Какой это был жалобный тон, и как она на меня смотрела. Мне было так ее жаль, мою драгоценную маленькую девочку!

...Вчера вернулся из Иванова. Нина совершенно погибает, она стала худа до невозможности, вся прозрачная, тоскует. Вчера прочел ее открытку, которую нашел дома. Милыми каракулями она пишет: “Папочка, как только ты уехал, нам стало еще скучней. Приезжай к нам, а то я без те-

*Ректор Ленинградского текстильного института
профессор Гурий Осипович Арефьев с супругой,
Н.А. и М.И. Визжилины.
Поселок Комарово. 1961 год*

бя жить не могу". Моя бедная, маленькая, милая крошка. Твои дивные лучистые глаза так милы. Сколько грусти чувствуется в них, когда ты узнаешь, что папа уезжает, каким восторгом сияют они, когда ты слышишь, что приехал папа. Нина учится. Она уже читает книжки самостоятельно.

...Нина ушибла голову, заболела и просит, чтобы мне об этом не писали. Маленькая, милая, деликатная крошка.

...Нина с азартом прочла книжку "Приключения Геккельберри Финна". Вчера принес ей "Приключения Тома Сойера".

...Стоит жить, чтобы иметь таких малышей, как Нина и Сережа.

...Как тяжело было бы потерять вас, мои бесценные! Вы моя жизнь, в вас моя радость!»

О поездке на фронт с Монгольской делегацией в декабре 1942 года.

«06.12.42. На Ярославском вокзале встречал Монгольскую делегацию – Чойболсана и других – вместе с Деканозовым, Щаденко и Меркуловым*.

11.12.42. В 22.35 отъехали от станции Ховрино на Северо-Западный фронт.

12.12.42. Прибыли в Бологое. Нас встречали два полковника, через час выехали на станцию Едрово по направлению к станции Русса. Северо-западный фронт занимает линию от озера Ильмень до озера Селигер, от станции Русса до города Осташков. Эта линия установилась примерно с августа – сентября 1941 года. Целый день провели в разговорах за столом. Фронт чувствуется только потому, что много военных. Вечером была военная тревога. Завтра на машинах выезжаем в 11-ю армию, ближе к фронту. В 9.50 выехали на позиции.

Летом 1950 года я уезжала на каникулы в Крым по приглашению Павла Ивановича и Анны Ивановны Титовых, родителей моей дорогой Иришки. Накануне отъезда у меня

---

* Чойболсан – лидер монгольской компартии, Деканозов – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Германии накануне войны, заместитель наркома иностранных дел СССР (?) (расстрелян), Меркулов – заместитель наркома Государственной безопасности СССР (расстрелян), Щаденко – заместитель наркома обороны СССР по кадрам,

поднялась небольшая температура, и заболел живот, но я не стала говорить об этом маме, боясь, что она оставит меня дома, и я не увижу Иришки и Крыма. Приехала в Симферополь в роскошный особняк с большим садом, где росли персики, груши, вишни и т.п. Отец Ириши был тогда первым секретарем обкома Крыма, кстати, при Хрущеве он был одним из тех, кто выразил несогласие по поводу решения о передаче Крыма Украине, за что и поплатился – был снят с должности.

На следующее утро нас с Анной Ивановной и Иришиной бабушкой отвезли по крутой горной дороге под Алушту на обкомовскую дачу. Большая белая красивая дача стояла на горе над морем, вокруг росли разные южные растения, которые я прежде видела только на картинках.

Меня предупредили, чтобы не пробовала никаких плодов и шишек. Я, конечно, потихоньку всё это отведала, не глотая. В 12 часов ночи отключали электричество – после войны соблюдался режим экономии.

Вскоре я почувствовала себя совсем плохо – очень болел живот, поднялась температура. Пыталась терпеть, но не выдержала и поползла к Иришкиной кровати. Начался переполох, все решили, что я отравилась – пришлось сознаться, что шишечки пробовала.

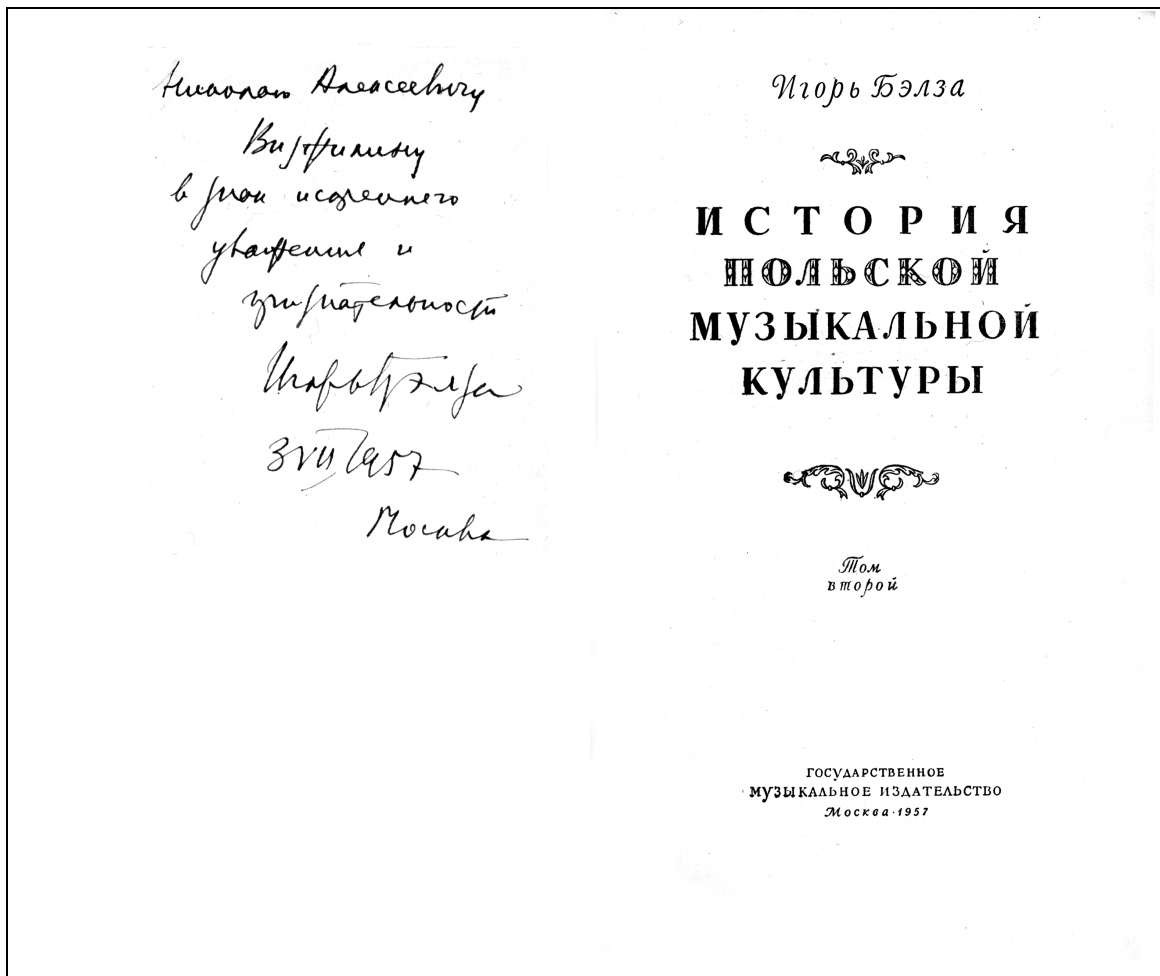
Зажгли свечи, бабушка Иры напоила меня каким-то травяным отваром, но это не помогло, боль не отпускала, началась сильная рвота. Меня вынесли на большущую открытую веранду, и сквозь боль и жар я увидела красивейший южный восход солнца, которое постепенно поднималось над водой...

К счастью, утром за Иришей приехала машина, чтобы возить ее на урок музыки в Симферополь. Повезли и меня туда же, сразу к врачам, которые тут же установили, что нет Никакого отравления, а у меня аппендицит и нужна срочная операция, которую немедленно и сделали.

В больнице провела всего неделю – при моей худобе, за которую главврач величал меня «сухим тараканом», все заросло быстро.

Все это было полной неожиданностью для родителей Ириши, Павел Иванович немедленно связался по телефону с моим папой. Обрисовал ситуацию, сказал, что, по мнению врачей, без операции я могу умереть, и задал смешной воп-

рос – дает ли папа согласие на операцию (операция между тем давно шла). Об этом мне рассказал впоследствии папа. Не желая волновать раньше времени маму, он скрыл от нее всю эту историю и рассказал о ней только после сообщения о благополучном исходе операции. Были, как и предполагал папа, и «охи», и «ахи», и слезы, и волнение. Мама вспоминала, что, ничего не зная о случившемся, была удив-

*Автограф
Игоря Святославовича Бэлзы*

лена и удручена тем, что отец, приехавший в Улиткино на субботу и воскресенье, вдруг вечером заявил, что ему необходимо быть на работе и тут же уехал в Москву...

После операции, как только мне разрешили сесть, я написала письма папе и маме. В ответ на одно из писем я получила такое послание от папы. Привожу часть письма.

«Получил твое письмо и отвез его в деревню. И там мама его с чувством декламировала Калисе Васильевне и Петру Павловичу, не подозревая, что ты написала не о действитель-

ном положении дел, а прислала самое настоящее "сочинение на вольную тему". Ну, это и хорошо. Мама думает, что все в порядке и не беспокоится. Думаю, что если бы она всю эту музыку знала, то тебе от этого легче бы не было, а ей было бы очень плохо.

Я еще беспокоюсь о тебе. Судя по письму, которое ты прислала мне, ты еще плохо себя чувствуешь. Будь осторожна. Возможно, что этот дрянной отросток тебе все время мешал и от него у тебя были недомогания. А поправиться тебе очень нужно. Теперь для страны нужны люди не только морально здоровые, но и здоровые физически.

Первое, как я надеюсь, у тебя есть, а вот второго не хватает.

А видно ты здорово струсила? А я и сам чуть не упал, когда Павел Иванович позвонил мне и сказал, что операция нужна немедленно, срок ему дали один час, и я вынужден был дать немедленно согласие, надеясь на то, что там все обеспечат хорошо. Каждый день я звонил по четыре раза в Симферополь. Здесь говорил с врачом, и она сказала, что все это пустяки и быстро пройдет. Тебе шлют привет все наши друзья. В трудные для тебя дни все они звонили мне и справлялись, как у тебя дела. Дома у нас все в порядке. Сережа заболел и уже поправился, Коля тоже поправился. Мама купается каждый день в любую погоду.

В деревне очень хорошо.

Целую. Папа».

Конечно, как у нас в семье было заведено, к Новому году, ко дню рождения и к праздникам – 7 ноября, 8 марта, 1 мая и Дню Победы родители присылали поздравления. Вот одно из них.

«Дорогая Нина!

Поздравляю тебя с днем рожденья и желаю тебе и Алеше доброго здоровья и хороших успехов.

Мне приятно знать, что ты идешь по хорошей дороге и впереди у тебя ясное и светлое будущее. Желаю тебе хорошо воспитать Алешу, сделать из него честного, правдивого и доброго гражданина, похожего на своего деда – Юрия Александровича.

Крепко целую тебя и Алешу. Папа. Май 1965 год».

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКА ЛИТЕРАТУРА

ТОДОР ПАВЛОВ

ЗА МАРКСИЧЕСКА
ЕСТЕТИКА,
ЛИТЕРАТУРНА
НАУКА И КРИТИКА

СТАТИИ, ДОКЛАДИ, ИЗКАЗВАНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ТОМ ВТОРИ

1937—1955

*Мобачини
Николае Александру
с плаини комунистиче-
ски прикритици.
Д-р М. М. М.*

СОФИЯ

ИЗДАНИЕ НА БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

1955

Автограф президента Болгарской Академии наук академика Тодора Павлова

Отец много читал, чтение вообще было у него любимым занятием до конца жизни.

Даже во время войны, в короткие минуты отдыха, он читал. В течение 1942–1944 гг. он прочитал: О. Генри, Гауптмана «Во власти океана», С. Льюиса «Мистер Беббит», «Дача на стремнине», «Мистер Бенжинг в дни мира и дни войны», К. Дойла «Маракотова бездна», А. Чехова – Собрание сочинений, т. 1, Г. Уэльса «Фортуна на колесах»,

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Авторизованный перевод с украинского

Борисы Николаю
Алексеевичу замечательному,
правдивому человеку — от платона
Сергея! На дружбу!

Платон Воронько

Москва

11. 8. 53
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1953

Автограф советского писателя Платона Никитовича Воронько

Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Мак Гиля «Дети мрака», Дайама О. Флоэрти «Мистер Гильхули», Стендаля «Арманс», М. Горького «Жизнь Максима Кожемяки», В. Шишкова «Пурга», «Таежный волк» и другие произведения.

Он хорошо знал русскую классику, его любимым писателем был А. П. Чехов, чьи произведения часто цитировал по памяти. Из поэтов любил Блока, Есенина, Маяковского, прекрасно читал их стихи — «Двенадцать» и

«Стихи о прекрасной даме» Блока, «Левый марш» Маяковского и разные стихи Есенина.

Его интересовала не только художественная, но и политическая, и мемуарная литература. Он собрал обширную библиотеку, где были собрания сочинений А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Чехова, А. Куприна, Ф. Достоевского, Л. и А. Толстых, М. Лермонтова, Н. Лескова, С. Есенина, С. Сергеева-

*Н.П. Орлова, М.И. Визжилина, Н.Н. Орлова и Н.А. Визжилин
на отдыхе. 1960-е годы*

Ценского, А. Блока, Г. Успенского, Н. Телешова, И. Бунина, К. Паустовского, М. Горького, Д. Мамина-Сибиряка, В. Шишкова, М. Шолохова и многих других классиков русской литературы, а также сочинения зарубежных писателей – У. Шекспира, Лопе де Вега, А. Мюссе, А. Франса, Д. Лондона и О. Бальзака, Ч. Диккенса, Э. Золя, Г. Мопассана, П. Мериме, Ж. Верна, М. Твена и других. Есть в ней сочинения римских и греческих авторов, и произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также уникальная подборка книг по дипломатической практике, которые он штудировал.

Конечно, отец всегда читал газеты и переживал все неудачи и глупости, которые происходили в стране.

Папа очень привязался к Алеше. После развода с Олегом и моего переезда с Алешкой в квартиру на улице Новаторов,

папа в течение нескольких лет (с 1967 по 1971 г.) ежедневно приезжал к нам, занимался с Алешкой уроками, читал и рассказывал ему разные истории, жарил картошку, если я не успевала приготовить обед. Вечером он уезжал домой, и мы с

*Н.А. и М.И. Визжилины, Н.Н. и О.Ю. Орлов в особняке ВОКСа.
1958 год*

Алешей обычно стояли у окна, махали на прощанье руками, провожая его взглядами до остановки.

С каждым годом походка отца становилась более медленной, в последние годы он ходил, тяжело опираясь на палку, останавливался, поворачивался к нашему окну и поднимал руку.

Настал момент, когда он уже не мог ездить к нам, и мы виделись с ним только, когда приезжали на Кутузовский.

В 1976 году у отца случилось подряд три инфаркта. Первый – в середине февраля. Папа пролежал около месяца в больнице и говорил, что не предполагал, что так сильно может болеть сердце.

Второй инфаркт случился в мае. Ночью мне позвонила мама, сказала, что папе плохо, что вызвали скорую помощь.

Поймав на улице какую-то машину, быстро приехала на Кутузовский в тот момент, когда папу уже выносили на носилках из квартиры. Помню, как один из санитаров сказал, что надо нести вперед головой, а не ногами. В этот раз отца довольно быстро, через несколько дней подняли с постели и заставили ходить. Дня за четыре до его смерти я в очередной раз приехала его навестить и дольше, чем обычно, была у него.

Пожалуй, никогда до этого он так не разговаривал со мной – говорил о маме, о том, что беспокоится за нее, что надо бы ей больше помогать, уговорить не стирать, а носить белье в прачечную; говорил о Сергее и о Коле, еще об Алеше, сетовал, что ему не хватает общения с Олегом, советовал поддерживать связь с Ю.А. и Н.П. Орловыми.

В тот вечер я собиралась в ресторан на встречу с выпускниками кафедры, у которых была куратором. Папа шутливо попросил «не напиваться». Это была моя последняя встреча с папой. Позже, уже после его кончины, я поняла, что наш разговор в больнице по существу был его наказом мне...

*М.И. Визжилина, Н.А. Визжилин, Н.Н. Орлова и Н.П. Орлова
на отдыхе в подмосковной деревне Улиткино.
1960-е годы*

Спустя дня три после этого разговора, 8 июня, отец позвонил маме и сказал, что ему разрешили принять душ. Мама удивилась, т. к. прошло всего две недели его пребывания в больнице и посоветовала не очень хорохориться и

*Вице-президент
Союза обществ дружбы с зарубежными странами
Николай Алексеевич Визжилин
и Чрезвычайный и Полномочный посол Японии в СССР
Суемицу Кадоваки
на официальной церемонии создания
Общества дружбы «СССР–Япония».
Москва. Дом дружбы с народами зарубежных стран.
1958 год.
Фотография
из японской газеты «Сан»*

не слишком долго мыться. А через несколько часов из больницы сообщили, что папа скончался – врачи не смогли его спасти.

Он стал собираться в душ, наклонился к тумбочке, чтобы взять чистое белье, упал и умер – случился третий инфаркт. Было ему 72 года, он не дожил шести месяцев до своего 73-летия.

Свое состояние, в которое привело меня сообщение о смерти папы, описать не могу. Все было как в тумане, мы с

*Встреча главы делегации ВОКС Н.А. Визжилина
с заместителем Председателя
Китайской Народной Республики
маршалом Чжу-Дэ.
Пекин. 1954 год.*

*Фото корреспондента китайской газеты
«Женьминьжибао»*

Колей ездили в больницу за папиными вещами и выпиской о его смерти, ходили по каким-то учреждениям, собирая необходимые справки. Голова работала плохо, все время хотелось плакать.

В день похорон мы с Колей первыми приехали в морг, где уже стоял гроб. Отец казался спящим – лицо светлое, спокойное, ни тени страдания или боли. Положила в карман его пиджака свою фотографию, долго смотрела на него, не в силах осознать потерю. Похороны на Кунцевском кладбище помню плохо, помню только, что народу было много, но назвать кого-нибудь не могу, кто-то выступал на гражданской панихиде, да еще помню, что рядом со мной, кроме мамы, Коли и Алеши был Стасик Куст (один из начальников курса, который тогда работал со мной в деканате).

А потом были поминки, блины, речи друзей, сослуживцев, шофера Дмитрия Ивановича, мое пение любимого папиного романса «Темно-вишневая шаль».

Через год мы с мамой и Колей заказали и поставили памятник на могиле отца, посадили цветы и часто приходили к могиле.

Вот и все. Теперь прошло уже более 30 лет со дня смерти отца. Вспоминаю его часто и горжусь тем, что у меня был такой замечательный папа.

После смерти родителей в душе образовалась пустота – ушли навсегда любимые родные люди, всегда приходившие на помощь. Они понимали и прощали, принимали тебя с радостью и теплотой, когда бы ты ни пришел, и что бы с тобой ни случилось. Хотя в жизни и наших отношениях иногда не все было гладко и безоблачно. Приходится только теперь жалеть о том, что не всегда прислушивалась к их советам, считая, что сама уже могу все решать.

Только потеряв родителей, начинаешь понимать, что они для меня значили. Как хотелось бы сейчас посидеть с мамой и папой, поговорить с ними, поцеловать их, услышать их родные голоса.

Очень хочу, чтобы мои внуки Даша и Гриша поняли это.

Внуки мои, любите и берегите маму и папу. Старайтесь не огорчать их, прислушивайтесь к их советам. Помните, что они имеют большой жизненный опыт и никто так, как родители, не желают вам добра, и готовы даже многим пожертвовать ради вашего благополучия.

Мои братья

Сергей

Маленького Сережу практически не помню. Он родился 3 июня 1937 года, когда мне исполнилось всего 5 лет. Запомнились лишь некоторые события – как я уронила его с сундука в Пешково и как он сверзился на трехколесном велосипеде с лестницы в Лунево на Волге. Да еще помню рассказ мамы, как в Костроме Сережка залез на широкие перила балкона в квартире Арефьевых, и как она его оттуда снимала, подкрадываясь, как кошка, и, нежно приговаривая, чтобы он стоял смирно. Приблизившись к нему, она схватила его и здорово отлупила. А было ему тогда 5 лет.

Вот что писал о маленьком Сереже в 1941–1945 гг. мой папа.

14.04.41. «С. заболел дифтеритом в тяжелой форме, отправлен в больницу. Дома без него скучно.

Сережа очень смывленный и бойкий мальчик. Ласковый, очень обидчивый. Когда обижается, то плачет горько, не могу смотреть на это. Милый мальчик! Когда были в Кратово, на даче, ночью объявили воздушную тревогу. Маруся с ребятами спряталась в щель, я сидел на пенечке под деревом. Сережка вылез из щели – "Я с тобой посизу". Дальше разговор – "Его расстлелять надо", – "Кого? ", – "Котолый отбой дает, сто нас целый час в тланшее делжит". Мой славный малыш. Хочется мне, чтобы ты сохранился и прожил жизнь более весело, чем это удалось мне.

Сереже сшили брюки... Воображаю, как он форсит, мой маленький. Чувствует себя в них очень хорошо, но говорит – "Мне сшили брюки без загнуток" (нет манжет). Мой славный маленький мальчик, как ты забавен и мил!

В выходной день были на с/х выставке. С., увидев на улице, как чистильщик обуви чистит кому-то ботинки, воскликнул: "Папа, смотри, ноги чистит!"»

12.05.42. «Из Барнаула приехал Гусаров (давний товарищ моего отца, – Н.О.). Он видел Сережу и Нину.

Дух захватывает от желания схватить Сережку на руки, расцеловать, послушать его милый забавный лепет!

Мой дорогой маленький славный мальчуган. Мне стоит только на минутку закрыть глаза, и я вижу твою плутовскую

*Мой брат Сергей
в возрасте 10 лет*

рожицу. Ты сидишь на стуле, перевернутом вверх ногами. Это твой «ЗИС»...

Сергей более бесшабашен, чем Нина, и мало заботится о том, чтобы о нем было хорошее мнение».

19.06.42. Из письма Нине: «Сережа ведет себя посредственно, говорит нехорошие слова».

15.09.42. «Сережа стал выговаривать букву "р". Послушать бы его».

07.02.44. «Мальчишка шустрый. Мы разучиваем с Ниной новый Гимн Советского Союза. Он отказался принять участие в этом и сидел молча. Однако, как оказалось, Гимн он выучил и даже музыку усвоил.

Сергей болел всю зиму – грипп, ангина, воспаление среднего уха, воспаление надкостницы и проч. без конца».

26.01.45. «Сергей заболел скарлатиной. Лежит в Русаковской больнице в Сокольниках вместе с матерью (пролежал там до 3.03.45.– *Н.О.*)»

1.09.45. «Сергей пошел в первый класс, за вторую четверть – отличник».

13.02.45. «Навестили с Ниной "узников" в больнице. Сережа худ до прозрачности, но такой же живой и остроумный мальчик, каким был до болезни».

23.03.45. «Сережа перешел во второй класс с отметками 5 по всем предметам, хотя пропустил много занятий по болезни.

Мне бы дожить хотя бы до тех пор, пока Сереже будет 17–18 лет. Все-таки была бы надежда, что он уже воспитан, как надо. И вышел на самостоятельную дорогу...»

* * *

Школьные годы Сергея я не помню совсем – ни как учился, ни с кем дружил. В памяти осталось только, что Сергей поступил в текстильный институт, его участие в институтском ансамбле, где он играл на гитаре, саксофоне и пел, его ранняя женитьба.

Летом 1958 года поехал отдыхать на юг и привез оттуда девицу Ларису, на которой вскоре, 14 февраля 1959 года, женился. Их брак оказался неудачным: начались скандалы в семье, и их союз распался. Сергей стал часто выпивать, чем крайне огорчал родителей.

Через некоторое время Сергей познакомился с Валентиной Ивановой, выпускницей Московского текстильного института – того же, что и кончал Сергей. Она вскоре стала его второй женой. У них родился сын – Саша. Они поселились в доме родителей Вали в Очаково. Отец было возрадовался, однако и этот брак оказался неудачным.

В 1990 году, когда я ушла из Университета, Сергей предложил мне купить совместно дом в деревне. Я согласилась, и он начал ездить по Подмосковию и Калужской области в поисках дома. Наконец сообщил, что неплохой дом нашел под Калугой в 20 км. от города Юхнова и повез меня в этот дом в деревне Крутое.